

А. Г. Шарафутдинова

**ИРАНСКИЕ СЛЕДЫ, ПРЕЛОМЛЯЮЩИЕСЯ В СЛОВАРЯХ
И ГРАММАТИКАХ ЯЗЫКОВ ЕВРОПЫ И АЗИИ
(ТАТАРСКОГО, ТАДЖИКСКОГО, БАШКИРСКОГО, УДМУРТСКОГО, РУССКОГО)**

*Работа представлена кафедрой филологии
Академии управления «ТИСБИ» Набережночелнинского филиала.*

Представлена авторская точка зрения на рассмотрение древних слоев заимствований языков Европы и Азии.

Ключевые слова: *сравнительно-исторический, типолого-сопоставительный метод, языковые контакты, заимствования, субстрат, пиджин, креол, палеолингвистика.*

A. Sharafutdinova

**IRANIAN TRACKS IN VOCABULARIES AND GRAMMARS OF EUROPEAN
AND ASIAN LANGUAGES
(TATAR, TAJIK, BASHKIR, UDMURT, RUSSIAN)**

The author of the paper presents her own point of view on consideration of the ancient layers of borrowings in languages of Europe and Asia.

Key words: *comparative method, typological and contrastive method, language contacts, borrowings, substratum, pidgin, Creole, paleolinguistics.*

Как известно, устойчивые контакты иранских языков и культур с языками и культурой народов Поволжья, Урала, Сибири, Малой Средней Азии, Египта установились, по мнению некоторых финноугроведов, не позднее атлантикума (VI–IV тыс. до н. э.), охватив своим воздействием тюркские, славянские, финно-угорские народы, заметно усилились в суббореале (III–I тыс. до н. э.) в замедленных темпах, главным образом через письменные каналы продолжились в условиях распространения христианства и ислама в Новую Эру (I–II тыс.). Как внешние и ранние контакты языков разных семей, связи эти оказались поистине всеобъемлющими и вселенскими, оставили в своих сторонах неизгладимые, пока еще обозримые и поддающиеся научному изучению следы.

Исследование их сравнительно-историческими и типолого-сопоставительными методами и приемами с опорой на устную и письменную речь носителей литературного (в ряде случаев – диалектного) языка, имеющую, как правило, характер диалога, обла-

дающую разговорностью (тексты художественных произведений, обрядовых и мифических сказаний), на словари (толковые, дву- и многоязычные, диалектологические, фразеологические, словари заимствований, синонимов, антонимов и т. д.), а также на разговорники, содержащие образцы диалогов на обиходные темы (пособия для тех, кто изучает языки как иностранные), грамматиках языков показывает, что материалы этих контактов, умозаключения и выводы о них имеют на современном этапе жизни огромное теоретико-практическое значение, крайне важны при описании истории лексики и грамматики больших и малых языков не только Европы, Азии, Ближнего Востока, но даже Египта.

По сравнению с арабизмами и монголизмами, отложившимися в языках ареала позже в довольно прозрачном состоянии, специфика иранизмов состоит в том, что, будучи ранними заимствованиями, они в большинстве своем несут характер субстратных и смешанных образований. Как таковые собираются кучками в силу того, что подверглись фо-

национальным и структурным изменениям, за- таились в словарях различных языков. Неко- торые из них (такие как Идел, Сарапул, Са- ратов, Дербышки, Казан, Актаныш, Кичку- тан, Танайка, Урал, Елабуга и т. д.) обнару- живаются в различного рода публикациях в виде искаженном при попытках этимологи- зировать, именно такие любительские, бес- почвенные разъяснения названий городов, сел, рек и озер стали ходячими во II пол. XX в. как единственно правильные. То обстоятель- ство, что в «Кратком топонимическом слова- ре» В. А. Никонова (1966) они были под- вергнуты сомнению, местами – жесткой кри- тике и вполне обоснованно отклонены, было принято во внимание только в 1990-е гг. И не всеми. Попытки, ведущие к правильным вы- водам по древним пластам ономастики, и в те годы по-прежнему предпринимались без вы- хода к иранизмам. Яркими примерами к тому были работы Л. Е. Кирилловой (Удмуртия), занимающейся изучением местных топони- мов и этнонимов в целях выделения в них генетических элементов. Цель статьи состоит в демонстрации этого положения с опорой на работы данного автора.

Так, однажды Л. Е. Кириллова в своей статье [6] привела целый ряд тополексем, смешавшихся, по нашему мнению, на тюрк- ской, финно-угорской, иранской основах. Надо сказать, что этот сложнейший материал Л. Е. Кириллова членила в основном пра- вильно благодаря своей интуиции и доста- точно высокой филологической подготовке, но останавливалась перед вопросом, элемен- тами какого языка-источника тополексемы признать. В частности, писала: «В татарском языке есть диалектное слово **калым** со зна- чением *небольшое озеро, небольшой водоем со стоячей водой*. Каково его происхожде- ние, сказать затрудняемся» [6]. Интерпрети- руя преимущественно на удмуртском мате- риале, Л. Е. Кириллова вела речь о следую- щих этно- и тополексемах (берем те, которые больше интересуют):

гурэз (-гурезь, гурезь-), что по- удмуртски оказывается, *гора*, а фактически, по нашим данным, это основа наст. вр. тад- жикского (далее тадж.) глагола **гурехтан**

убегать, спасаться бегством, скрываться; перен. уклоняться, избегать, отлынивать; гурез! соответствует русскому повелитель- ному наклонению *берегись! сторонись!* **Гу- реза** передает значение *беглец, беженец, де- зертир, тот, кто в бегах, скрывается* [10]*.

Бичер (правильно: **бечир**; слоги **би-** и **- чер** являются искажениями, наиболее часто встречающимся в трудах М. З. Закиева и в пер- мистике); заимствование закрепилось в речи удмуртов и башкир в значении *татарский* (та- тарская местность, татарский взгляд на вещи, татарское поведение) в качестве подэтнонима от ир. **бечир** ирон. *слабый, не умеющий брать, хватать*, аналогичного ир. **ночир** прям., пер- ен. *с ослабленными пальцами, не способный брать, хватать*, наряду с гибридными тюрк.- ир. **яугир** *тот, кто проводит свою жизнь в военных походах, завоеватель* (по словам ис- торика А. Бейета, самоназванием башкирского народа), **бошчир** *головорез***.

Ватка – в удмуртском языке прозвище человека, входящего к племени *ватка*, на наш взгляд, берущее свое начало от ир. **водй** *долина, русло*, легшего в основу удмуртского гидронима Вятка со значением *долинная, равнинная река*.

Тыло, тыв, тыл – по мнению Л. Е. Ки- рилловой, *огонь*, общеперм. **tũla, tũl** *подсека, росчисть*; лексема, ее фонетические разно- видности уходят своими корнями, по нашему мнению, к ир. **от** *огонь*, тат. **ут** *огонь*, пере- жившим метонимический троп в направле- нии к *росчисть* на основе близости, сопредельности смежности своей семантики с по- нятиями *подсека*, с тем, что *огнем выжгло лес, все живое и появилась росчисть как зем- ля пахотная и пастбищная*.

Калым, варианты **kalym, kalem, kalim, kalim** и т. д. со значениями *залив в реке или озере, омут, стоячая вода, отстоявшаяся после наводка, низина со стоячей водой*; к данным лексемам мы в статье еще вернемся; о них кратко Л. Е. Кириллова говорит, ссы- лаясь на «Инструкцию по передаче на картах географических названий Татарской АССР» Л. И. Розовой [4].

Цепочка бисмэн, бичмэн, бэзмэнка, бэс- мэнка, bismen (Wiedemann 1880: 465), бичмен

(Борисов 1991:30), бесмен (УРС 1983: 46), бесмен (Алатырев 1988:173), пысман, пысман (МРС 1991:283, 286), пёсмен, Пёсмен сырми – Пёсмен сырми, что, пожалуй, от мар. Пысман, пысман со значениями *межа, грань, граница* (Федоров 1996:424), произошедшая очевидно от тадж. **бесомон неустроенный, не обеспеченный необходимым, беспорядочный**, от его синонимов **бесохиб не имеющий хозяина, бесхозный, брошенный, беспризорный, покинутый, бесуд недоходный, без пользы, прибыли**.

Л. Е. Кириллова отмечала правильно, что в контексте данных лексем апеллятивы **йыраз’/йыраз** *изгололье, верхняя часть, начало чего-либо, пыдаз’/пыдаз* *подножие, низкое место вблизи чего-либо, пыдин место в низине у реки*, как правило, указывают «на расположение одного географического объекта относительно другого», образованы они сами путем прибавления **аз’/аз** *перед, фасад, лицевая сторона, место*, иногда **-ин** (ир. суффикса обладания) к словам **пыд нога, йыр луг, чернозем в низине** (по-татарски **йир** или **жир**, *аяк асты, йори торган урын тобэк, ара, майдан*). И надо сказать, что этими последними наблюдениями Л. Е. Кириллова ставила нас в необходимость делать выводы относительно возможности происхождения удмуртских **аз’/аз** непосредственно от полисемичного, многофункционального ир. предлога широкого спроса **аз**, способного употребляться и самому по себе в качестве предлога со значениями *из, с, от, у, по, через, сквозь, о, об* и в сочетании с различными именами в значениях *больше, сверх, за, чем*, и в изафете в значениях *как видно, очевидно, по-видимому*, и в ряде сложных глаголов с отрицательными значениями *ликвидировать, уничтожить, изымать, снимать, сносить, исчезать, отходить в прошлое, вырывать (с корнем), отказываться, отступать, упускать, терять, устранять, удалять, исключать, срубать* и т. д.

В целом и общем рассмотренные в статье Л. Е. Кирилловой топо- и этнолексемы интересны еще и тем, что они по своим внутренним и внешним проявлениям неравноценны. Судя по сегодняшнему их состоянию

в тюркских и иранских языках, отдельные из них (кал-) – тюркизмы иранских языков, некоторые (пыдаз) – иранизмы тюркских языков.

Например, нельзя, неправомерно считать иранизмом лишь на основании его присутствия в иранских языках элемент кал-, от которого в татарском языке на разных этапах его развития образовались десятки родственных (ставших в ряде случаев уже историзмами, архаичными, диалектными) слов, таких как:

калдык артын калган кисэк, то, что осталось от целого в результате отделения от него части, частей;

калган-поскан, калдык-постык, ташиландык, яраксыз нәрсәләр; лишние вещи на выброс;

диал. **калдау** ичен чәчелми калган яткын жир; калдау үләне кар астында кышлаган үлән; отсюда калдаулык, калдау урын брошенный участок;

калдыру кая да булса барганда кемне, нәрсәне үзең белән алмау; не брать с собой кого, чего в дорогу; булеп алып кую, саклау, т. е. оставлять/оставить, откладывать/отложить что-либо на ..., для...; запасать/запасти, готовить/заготовить/заготавливать что-либо впрок; запасаться/запасть чем для...; не доводить дело (работу) до конца; не договаривать; заставить кого-либо замолчать, прервать разговор; **калдырмау** отрицание во всех перечисленных выше значениях плюс значение *делать все для достижения цели в..., при...*;

калышу *аршка калу, кемнәдер түбәнрәк булу*, т. е. *отставать*, быть ниже кого-либо;

калку I *күтәрелү, аякка басу, оскә күтәрелеп чыгу, күперү, үсү, зураеп китү, пәйда булу* (күк жисемнәре турында), *искә тошү*, т. е. *подняться/подниматься, развитие, движение вперед*;

калку II (урын) *күтәренке рельеф, чыгынкы эгъза*, перен. *калку итеп* (сүрәтләү, гәүдәләндерү), **калкулык** *биеклек*, т. е. *возвышенность, холм, выпуклость*;

калым ис. этн. топ [11, д. 226], *йолым, бирнә, түләү*, т. е. *выкуп при женитьбе, выход замуж*; **калымлык** *калым очен гаилә чыгымнарыннан аерым әзерләнгән торган акча*,

эцберләр, мал-туар, то что откладывается для калыма (не лишне здесь напомнить, что не только у иранцев, но и татар не в последнюю очередь, а еще в глубокой древности калымом называлось то, что откладывалось по частям годами из семейного достатка);

калжа туралган ит кисәге, кусок вареного, жирного или сочного мяса, перен. польза, прибыль; **калжалку, калжалап турау, калжалы**, возможно, что и **калжаю (кәлшәю)**, диал. **кәлшә трава или посевные, поросшие после косовицы, жатвы, курпы**;

диал. **калым озеро**, общеупотр. **күл озеро**; 1. *ябык табигый сулык*, т. е. *естественное озеро*; закрытый водоем, поддерживающий связь с более древним и мощным водным источником, либо отделившийся от реки в результате изменения земной коры, все еще сообщаемый со своей альма-матер невидимыми путями, либо провальный, питающийся подземными водами; 2. *жыелган яңгыр сунн яки башка су белән тулган түбән урын*, т. е. *лужа, лужица*...

То обстоятельство, что диал. **калым** – озеро является в татарском языке тюркизмом и оно древнее, чем калым – выкуп, позволяет отнести к тюркизмам сотни фонетических вариантов **кал-** (кул-, кул, -куль, кюль, -кель, -коль и т. д.), содержащихся в составе простых, производных, сложных гидронимов, встречающихся на бескрайних территориях Евразии со смешанным (тюркским, иранским, финно-угорским, славянским и т. д.) составом населения. Эту лексему легко заметить и выделить в составе любого гибридного (смесового) гидронима и от гидронимического названия типа Күлод (название областного центра в Таджикистане, возникшего на дне исчезнувшего озера), Иссык-Куль, Сонг-Кель (Киргизия), Чатыр-Кель, Яшилкуль, Ранкуль, Джиликуль, Каракуль, Зоркуль (Узбекистан), Сарыколь (Памир), Калалы р. (Краснодарский край), Калаус (Ставропольский край), Кальмиус р. (Донецкая область), Калья пос. (Свердловская область), Калмак-кырган сухоречка (Кзыл-Орд. И Джекказг. обл. Казахстана), Калакар р., Калар р. (Читинская область), Калниболотская нас. пункт (на р. Ея Краснодарского края), Каламитский

залив (р-н Черного моря у г. Саки, где берега усыпаны большими и малыми озерами).

Велика вероятность того, что в своем первоначальном виде элемент **кал-** сохранился именно в гидрониме **Байкал богатое озеро**. В Восточной Европе, Малой и Средней Азии, Египте, на Ближнем Востоке к гидронимам с теми или иными вариантами элемента **кал-** образовались названия рек и озер, переименованных в водохранилища, названия высохших и ставших теперь кое-где безымянными водных пространств.

В таджикском языке, представляющем юго-западную группу иранских языков индоевропейской семьи, тюркский элемент **кал-** и некоторые его варианты встречаются в апеллятивах со смесовой семантикой типа:

1) **кўявор** *подобно озеру, как озеро*; **кўлмак** *лужа, болотце*;

2) **каллак** *часть, оставшаяся от целого, лишившаяся чего-либо, отделившаяся и ставшая чем-либо*; например, растение с обрубленной верхушкой, с обрубленными ветвями; **калта** *короткий, куцый* (о ящерице) – тат. **кәлтә ящерица**; **калтак** *палка*; **калтапой** *коротконогий*; **калтапоя** *на низких ножках*;

3) **кал** *плешистый, лысый, оставшийся без волос*, а иногда и *кожи* в результате болезни, т. е. *прям.*, перен. *паршивый*; *безрогий, комольй* (о животном, родившемся без рогов); немало других, не имеющих в татарском своих аналогов производных и сложных основ, таких, как **калй** *парша, плешивость*, **калбуз** *коза безрогая*, **калгов** *корова безрогая, комолая* (что по-татарски **мүкләк**), **кала** *голова, макушка*, **калфахм** *непонятливый, тупой, без частички или с оставшейся частичкой ума*.

Наблюдения наводят на мысль, что на базе **кал-/кўл/кул** и т. д. в русском языке появились слова: **кулик** *небольшая болотная птица с длинными ногами*; **кулички** *места очень отдаленные, оторванные от мира* (у черта на куличках); **культа** (**культяпка**) *часть конечности, оставшаяся после ампутации, увечья*; **калека** *человек, получивший увечье*; **калитка** *дверца в заборе* (как проем и часть целого); **кулёмать** *прост. делать плохо, кое-как, видимо, только частично, не до конца* (скулёмать).

Что же касается таких соответствий, как тадж. **по** нога, тат. **тэпи** нога, тат. **бот** часть ноги от колена до тазобедренной части туловища человека, у животных – задняя часть тазовой полости, тат. **бэйге** < тадж. **пойга** состязание в беге, скачки, тат. **бэйгече** < тадж. **пойгачй** участник состязания в беге, удм. **пыд** нога, удм. **пыдаз** у, возле, близ и т. д., удм. **пыдин** низовье, англ. **bejing** олимпиада, состязания спортивные, рус. **бег**, **бегать**, **бежать**; вид легкой атлетики, **бега I** состязания, гонки упряжных рысистых лошадей (производные **бега II** хождение в бегах, в бегстве, много и долго ходить по делам; находиться в длительной самовольной отлучке, скрываться от следствия; **беглец**, **беговой**, **бегом**, **бегун**, **бегунок** и т. д.), **топать**, **топ-топ**, **топтать** совершать соответствующие действия ногами, рус. **пинать**, **пнуть**, **пиннуть**, **пасть/падать**, **пасти**, **пастись**, **пастух**, **пеший**, **пешком**, **пехота**, **пядь** (старинная русская мера длины, равная расстоянию между раздвинутыми большим и указательным пальцами) и **пять** (часть кисти между запястьем и основными фалангами пальцев, у животных – часть передней пятипалой конечности), пожалуй произошедшие в определенной связи с **пята**, **пяточок**, **пятерня**, **пять**, и т. д., они являются несомненными иранизмами указанных языков, сохранившими в своей звукобуквенной оболочке согласные **п**, **б**, **тп**, **бт**, **пд**, **пт**, характерные для этой основы гласные в зависимости от того, к какому языку, в каких его позициях изменения происходили***.

Думается, что ключевая роль в возникновении и развитии этих параллелей в языках одного ареала принадлежала таджикской основе **по** нога, имеющей ряд прям., перен. значений и соответствующих этим значениям фразеологизмов, затем – персидской основе **پا** [pa] нога, стопа, имеющей пять и более значений и десятки фразеологизмов от каждого из значений. В пользу правильности этой версии достаточно сказать, что от этих основ в самой иранской среде с характерным только для иранских языков этнокультурным содержанием (самобытным) образовались сотни производных и сложных слов.

В таджикском с **по**, **пой** (осн. наст. вр. тадж. гл. пойдан), с персидским **па**, **пай** образовалось такое множество производных и сложных слов, что в статье можно привести только отдельные из них, лишь с тем чтобы убедиться, что они, действительно, слова данного языка (иранизмы), имеющие те или иные (корневые, суффиксальные) соответствия в языках Волго-Камья.

Это: **поафзол**, **обувь**; **поафзолдўз** сапожник; **поафзолдўзи** пошивка обуви; **поафзор** см. **поафзол**; **побанд** связанный, скованный, закованный; **путы**, **оковы** для ног; **пойлуч**, **побарахна** босой, босоногий, босиком; уст. **босяк**; **побарчо**: **мондан** или **побарчо**: **шуда мондан** попадать в безвыходное положение, терять силы, слабеть, дряхлеть; **побаста** застрявший, задержавшийся где-либо; **подор** имеющий ноги, с ногами; **поён** (**поин**) низ, конец, край, предел; **поёнй** (**поинй**) нижний, расположенный внизу, ниже-следующий, низший, младший, низовой; **пода стадо**, **гурт** (крупного рогатого скота); **подачй** пастух; **подабон** пастух; **подабонй** пастыба; **подабаро** время выгона стада на пастбище; **возглас**, которым пастух извещает о времени выгона скота; **подачо** пастбище; **поёноб** (**поиноб**) нижнее течение реки, канала, низовье, **пойма**; **помонй** шаг; **поранчопули** вознаграждение, чаевые за доставку письма, за добрую весть, за визит (врачу), тат. **аяк хаки**, **аяк баясе**; **посўхта** с обожженными ногами и т. д.

Глагол **поидан** (**пой**) *стеречь, подстерегать, подкарауливать, следить, выслеживать, ждать, дожидаться, выжидать; выкармливать, выращивать* (скот), *ухаживать, присматривать* (за больным ребенком); *стоять, продерживаться, быть стойким, твердым, постоянным* образовался в свое время, разумеется, в таджикском от основы **по** нога, осн. наст. вр. гл. **пой** открыла счет в образовании многочисленных отглагольных (в основном сложных и в ряде случаев упростившихся а сегодня) имен типа **пойандоз** половик, ковер, дорожка; **пойгах** место у входа для снятия обуви; **пойгох** степень, достоинство; **пойдори**, **пойкор** человек, выполняющий поручения от населе-

ния квартала и получающий за это вознаграждение; **пойкўб** затоптанный, растоптанный, униженный, приниженный, посрамленный; **пойкўбй** топтание на месте, дробь (в танце), **поймол** растоптанный, попраный и от гл. **молидан** растирать, откуда собственно тат. **пумала** кисть *штукатура, маляра*; **пойшуйхона** предбанник, где второй корень **шуй/шу** является основой наст. вр. гл. **шустан** мыть, стирать...

Важно отметить в связи с изложенным, что **пай I** – след в современном таджикском языке является более древним архаичным вариантом основы **по нога**, имеющим более отдаленные от нее, но тем не менее обусловленные ею значения, словообразовательные связи. Среди образований, имеющих своим первым элементом пай (пайафкан основатель; пайроха тропинка; пайсипар путник, прохожий; пайзода хромой; пайпоқ I носки, чулки; пайпоқ II ступня верблюда; пайрав I последователь; пайравй следование и т. д.), есть соответствия, уходящие своими корнями к ранним периодам тюркско-иранских контактов, такие, как тадж. пайгом уст. шаг > тадж. пайгом весть, известие, привет > тадж., тат. пайгомбар/ пайгамбар/ пэйгамбэр пророк, приносящий весть, известие, вестник; тадж. пай ғул(а) уст. кандалы, надеваемые на шею и руки, с тем чтобы ограничить движение > тадж. пайғула угол, уголок (эти примеры покажутся особо интересными тем, кто знает что в татарском языке от слова **ғула** когда-то произошло слово **гөлбэч** *угловой узкий проход между печью и стеной деревенского дома*).

Элемент **паст** – *низкий, тихий*, образовавший в таджикском немало производных и сложных основ типа **пастак** *низенький, маленького роста, низкорослый*, **пастакча** ма-

лыш, короткий, лилипут, **пастоб** *мелководный*, **пастравй** *падение, снижение*, **пастсағри** *вислозодый (о животном)*, **пастсифат** *низкого качества, разг. низкий, подлый*, **пастшавй** (см. **пастравй** *понижение, убыль, стихание, утихание*), **пастй** *низменность* и т. д., в тюркских языках обозримых (очевидных) следов не оставил. По финно-угорским языкам сведениями о нем не располагаем, но зато в русском как в одном из индоевропейских языков помимо приведенных выше примеров представлено большое количество параллелей с ним, типа **пасть/пасти** *скот*, **пастбище** *место выгона скота на подножный корм*, **пасть/падать/упасть** *опускаться/опуститься низко*...

Приблизительно, гипотетически к словам, связанным с **по** генетически, в русском языке можно было бы отнести предлоги **по, под**, приставки **по-, под-**, а также в соответствии с этим положением образования **погост, пожня, погань, покатый, поклон, поселок, постель, посул, поток, подвал, подворотня, подкова, подножие, подушка** и т. д.

Таким образом, лексические иранизмы, преломляющиеся в языках интересующего ареала, в редких только случаях прозрачны во всех отношениях, чаще всего они представляют в разной степени затемненные пиджины и креолы, смесовые структуры. Нуждающимися в особом изучении с данной точки зрения мы считаем славянизмы типа **пастырь** – *пастух, наставник*, **паперть** – *крыльцо, площадка перед входом в церковь*, где обычно стоят нищие и просят милостыню, фразеологизм **пай мальчик**, *девочка или мальчик послушные*, заимствования **пьедестал, постамент** – *подножие, возвышение, на которое поднимается победитель* (в спортивных соревнованиях).

ПРИМЕЧАНИЯ

* Пример яркое в том плане, что на его основе можно размышлять, углубляясь мыслью в историю языков ареала. Значит, не случайно в древности это слово обозначало в Поволжье и Покамье места, куда бежали беглецы – горы, пещеры, ущелья, овраги, лесные массивы, Чангалы, т. е. джунгли (Жигули в фонет. Переработке). Правильность объяснения происхождения слова **Жигули** от. Ир. **Чангал** подтверждают следующие замечания В. А. Никонова: «В словаре Даля находим: *жиг*, «жиг в лес и поминай как звали!»; Жигули в XVI–XVIII вв. были полны беглыми; *жега брань, суматоха и жиган* «опытный, тертый острожник»; в XVII в. Жигули служили центром волжских «разбойни-

ков», «чрезвычайно опасных для купеческих и царских судов» [13]. На наш взгляд народы Поволжья и Покамья постепенно либо сужали, либо расширяли значение основы **гурез**: удмурты – до **гурезь гора**, восточные славяне и русские в том числе – до **гюрза опасная своим внезапным появлением ядовитая змея**, **грузу один из видов съедобных грибов** (возможно, открытых беглецами в качестве надежной пищи); татары и удмурты совместно – до топонимов, содержащих **гурезь** в своем составе. Одну не очень распространенную в настоящее время детскую игру татары называли **гөрле, гөрле уйнау**, т. е. *качишлы уйнау*, игрой в прятки; древнее холодное оружие, колющее и ударное в виде тяжелой палки с проволочными иглами в конце называли **гөрзи**, с учетом, что такая палка применялась и как орудие пытки умершего, избавления умершего от совершенных им грехов (в таких случаях к концу палки устанавливалось еще и твердое горючее вещество).

** Примечательно в данном примере то, что в нем всюду **чир** является основой наст. вр. тадж. гл. **чирифтан** *брать, захватывать*. Если у этнонима башкир (башкорт) вторым компонентом исторически было тадж. **кир III истребление, уничтожение** (что вполне допустимо), то и тогда слово это было аллоэтнонимом, передавало крайне отрицательное понятие *тот, кто истребляет своего врага поголовно, не беря его в плен*.

*** Не исключено, что когда-то о предмете очевидном, обозримом, расположенном близко, рядом, дойти, добраться, дотянуться до которого ничего не стоит, люди говорили не **рукой**, а **ногой подать**?!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас СССР. Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1987. 224 с.
2. Инструкция по передаче на картах географических названий Татарской АССР/ сост. Л. И. Розова. М., 1969. 29 с.
3. *Кириллова Л. Е.* Географические термины в удмуртской топонимии как источник обогащения лексики удмуртского литературного языка // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. Ижевск, 2004. С. 139–150.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М., Сов. Энциклопедия, 1990. 685 с.
5. *Никонов В. А.* Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологий», 2007. 944 с.
7. Персидско-русский словарь: в 2-х томах. Свыше 60000 слов / под ред. Ю. А. Рубинчика. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. Т. I от ^ا до ^ژ 800 с.; Т. II от ^س до ^ی 864 с.
8. Таджикско-русский словарь / под ред. М. В. Рахими, Л. В. Успенской. Гл. ред. Е. Э. Бертельс. 40000 слов с прил. Грамматического очерка, составленного В. С. Расторгуевой. М., 1954. 791 с.
9. Татар теленен анлат малы сүзлеге / ред. Ф. Э. Ганиев (баш. редактор), К. С. Минибаев, Ф. М. Газизова, Г. Г. Саберова, Ф. Ф. Гафарова. Казан: «Мажбугат йорты» нәшрияты. 2005. 848 б.
10. Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. М., 1983. 592 с.

SPISOK LITERATURY

1. Atlas SSSR. Gl. upr. Geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR. M., 1987. 224 s.
2. Instruksiya po peredache na kartakh geograficheskikh nazvaniy Tatarskoy ASSR / sost. L. I. Rozova. M., 1969. 29 s.
3. *Kirillova L. E.* Geograficheskiye terminy v udmurtskoy toponimii kak istochnik obogashcheniya leksiki udmurtskogo literaturnogo yazyka // Formirovaniye i razvitiye literaturnykh yazykov narodov Povolzh'ya. Izhevsk, 2004. S. 139–150.
4. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Sov. entsiklopediya, 1990. 685 s.
5. *Nikonov V. A.* Kratkiy toponimicheskiy slovar'. M.: Mysl', 1966. 509 s.
6. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy / Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: ООО «ИТИ Технологий», 2007. 944 s.
7. Persidsko-russkiy slovar': v 2 t. Svyshe 60000 slov / pod red. Yu. A. Rubinchika. 3-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 1985. T. I ot ^ا do ^ژ. 800 s.; T. II ot ^س do ^ی. 864 s.

ФИЛОЛОГИЯ

8. Tadjhiksko-russkiy slovar' / pod red. M. V. Rakhimi, L. V. Uspenskoy; gl. red. E. E. Bertel's. 40000 slov s pril. Grammaticheskogo ocherka, sostavlennogo V. S. Rastorguyevoy. M., 1954. 791 s.
9. Tatar telenen anlat maly suzlege / red. F. E. Ganiyev (bash redaktor), K. S. Minibayev, F. M. Gazizova, G. G. Saberova, F. F. Gafarova. Kazan: «Mazhbugat yorty» neshriyaty. 2005. – 848 s.
10. Udmurtsko-russkiy slovar' / pod red. V. M. Vakhrusheva. M., 1983. 592 s.